
PHILO-SOPHIA

BENEDICTUS DE SPINOZA

ETHICA

ORDINE GEOMETRICO

DEMONSTRATA

ET IN QUINQUE PARTES DISTINCTA

IN QUIBUS AGITUR

- I. DE DEO
- II. DE NATURA ET ORIGINE MENTIS
- III. DE ORIGINE ET NATURA AFFECTUUM
- IV. DE SERVITUTE HUMANA,
SEU DE AFFECTUUM VIRIBUS
- V. DE POTENTIA INTELLECTUS,
SEU DE LIBERTATE HUMANA

БЕНЕДИКТ СПИНОЗА

**ЭТИКА,
ДОКАЗАННАЯ В ГЕОМЕТРИЧЕСКОМ
ПОРЯДКЕ И РАЗДЕЛЕННАЯ
НА ПЯТЬ ЧАСТЕЙ,
В КОТОРЫХ ТРАКТУЕТСЯ**

- I. О БОГЕ
- II. О ПРИРОДЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ ДУШИ
- III. О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПРИРОДЕ АФФЕКТОВ
- IV. О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ РАБСТВЕ
ИЛИ О СИЛАХ АФФЕКТОВ
- V. О МОГУЩЕСТВЕ РАЗУМА
ИЛИ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЕ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 122/129

ББК 87.7

C72

Вступительная статья Дмитрия Хаустова

Спиноза, Бенедикт

C72 Этика / Б. Спиноза ; [вступ. ст. Д. Хаустова]. — М. : РИ-ПОЛ классик. — 396 с. — (PHILO-SOPHIA).

ISBN 978-5-519-64206-4

Бенедикт Спиноза — основополагающая, веховая фигура в истории мировой философии. Учение Спинозы продолжает начатые Декартом революционные движения мысли в европейской философии, отрицая ценности былых веков, средневековую религиозную доктрины и непререкаемость авторитетов.

Спиноза был философским бунтарем своего времени; за вольнодумие и свободомыслие от него отвернулась его же община. Спиноза стал изгояем, преследуемым церковью, что, однако, никак не поколебало ни его взглядов, ни составляющих его учения.

В мировой философии были мыслители, которых отличал поэтический слог; были те, кого отличал возвышенный пафос; были те, кого отличала простота изложения материала или, напротив, сложность. Однако не было в истории философии столь аргументированного, «математического» философа.

«Этика» Спинозы будто бы и не книга, а набор бесконечно строгих уравнений, формул, причин и следствий. Философия для Спинозы — нечто большее, чем человек, его мысли и чувства, и потому в философии нет места человеческому. Спиноза намеренно игнорирует всякую человеческость в своих работах, оставляя лишь голые, геометрически выверенные, отточенные доказательства, схолии и королларии, из которых складывается одна из самых удивительных философских систем в истории.

УДК 122/129

ББК 87.7

© Хаустов Д. С.,
вступительная статья, 2018

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64206-4

SPINOZA MALEDICTUS
sive
PHILOSOPHUS PERENNIS

«То, что считали, ошибочно, его пантеизмом, было не чем иным, как сведением области Бога к всеобщности означающего, оно-то и породило неподражаемую, безмятежную его по отношению к человеческому желанию отрешенность. Говоря, что желание есть сущность человека, и постигая его, желания, коренную зависимость от немыслимой вне функции означающего всеобщности божественных атрибутов, Спиноза и занимает как раз ту единственную позицию, которая позволяет философу — совсем не случайно оказавшемуся в данном случае оторвавшимся от собственной, взраставшей его традиции евреем — слиться без остатка с трансцендентной любовью»¹.

Жак Лакан,
«Четыре основные понятия психоанализа»

Для того, кто в той или иной степени погружен в современную философию, кто любит ее и вверяет ей самое ценное (а что может быть ценнее *собственной мысли?*), для того, кто знает, а может быть, лишь узнаёт все причудливые ее входы и выходы, — для него даже

¹ Перевод А. Черноглазова.

и представить себе, что философии Спинозы — или Спинозы как Философии — когда-то *не было*, окажется делом едва ли посильным.

Спиноза — не просто фигура в ряду многих прочих фигур, Спиноза — это философский эпоним: то имя, которое, как метонимия или синекдоха, может употребляться в качестве представителя всей данной — философской — области. Это имя вполне удивительным образом замещает понятие философии и в тех головах, которые с философией как таковой знакомы весьма приблизительно.

Так, небезызвестный Остап Бендер одаривает едва повстречавшегося ему Балаганова: «А, вы думали? Вы, значит, иногда думаете? Вы мыслитель. Как ваша фамилия, мыслитель? Спиноза?» Вот любопытный автоматизм. И пускай сразу после Спинозы великий комбинатор припомнит и Жан-Жака Руссо, и Марка Аврелия, верно подмечено вот что: в пятерке, а может быть, даже и в тройке самых общеизвестных представителей философской «профессии» Спиноза всенепременно окажется.

С чем связана эта, пошедшая в массы популярность? Ведь мало кто из тех, кто на автомате поминает Спинозу как первого (второго или третьего) из величайших философов, окажется способным объяснить, чем же этот — всамделишный — Спиноза так знаменит, в чем состоит его баснословное, веками не преходящее величие.

Жиль Делёз, любимым философом которого был как раз Спиноза, выделял во всякой философии два опорных элемента: проблему и концепт. Однако, коль скоро концепт (или, чаще, концепты) есть именно решение

конкретной проблемы, стоит достроить данную двоицу до триады и дополнить ее третьим, связующим первые два, термином — мы назовем его аргументом. Тогда философия будет у нас опираться на три фундаментальных элемента: проблему, ее разрешение-аргумент и концепт как результат аргумента; затруднение, поиск пути (или даже сам путь) и, наконец, выход.

Впрочем, не всегда философия предоставляет нам все эти три элемента сразу — к примеру, может быть философская формулировка проблемы без аргумента и/или концепта (иллюстрацией этому могут служить разнообразные вариации скептицизма, известного именно тем, что в нем происходит отказ от решения проблем). Тот, кто сумел сформулировать философскую проблему, пускай и не отыскав ее решения, уже совершил философский акт, уже, таким образом, в этом акте субъективировался как философ. Кто-то другой может начать с позаимствованной, не им сформулированной проблемы и дать в результате оригинальное, собственное решение — он тоже, конечно, будет философом, и философом тем более сильным, чем более интересным будут его аргумент и концепт. Однако истинно великим философом будет тот, кто предложил собственные проблемы, аргумент и концепт — всё вместе!

Спиноза был именно таким — великим — философом.

*

Жизнь этого человека — жизнь столь отдаленная, человека столь замкнутого и нелюдимого (хотя, вероятно, и не настолько нелюдимого, как принято пола-

гать) — неизбежно исполнена мифов и вымыслов, которые, более того, продолжают фабриковаться и в наш весьма падкий на пеструю дезинформацию век. Позволим себе непростительный ныне грешок: *не тиражировать мифы* — и просто укажем на то, что может быть установлено с наибольшей (и консенсуальной) точностью¹.

Барух де Спиноза, значительно позже прославившийся под именем Бенедикта (то есть Благословенного), родился 24 ноября 1632 года в Амстердаме. Он принадлежал к еврейской общине этого города и был потомком португальских евреев, вынужденно бежавших из родной страны в те тяжелые времена, когда изгнание «чужеродного элемента» из преимущественно южноевропейских стран вошло в мрачную моду. Голландия, сама совсем недавно освободившаяся от того же самого южно-европейского гнета, смогла предоставить множеству беженцев некоторую, во всяком случае минимальную, полноту гражданских прав, так что жизнь представителей еврейской общины в Амстердаме может быть названа в общем неплохой. Подтверждением этого смелого тезиса служит как раз семейство

¹ Из русскоязычных изданий могу посоветовать — что характерно — лишь перевод весьма старой, но от того не менее аккуратной работы классика истории философии Куно Фишера: *Фишер К. История новой философии: Бенедикт Спиноза.* — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. Впрочем, для создания максимально полной биографической картины этой работы со всей очевидностью недостаточно. Интересующихся отсылаю к обширному англоязычному изданию: *Nadler S. Spinoza. A Life.* — Cambridge University Press, 1999.

Спинозы, преуспевавшее в те времена в торговле. Так, Куно Фишер склонен описывать голландское пребывание еврейской общины в исключительно светлых тонах: «С тех пор как голландцы свергли испанское иго и установили в своей стране религиозные и политические свободы, в Европе не было государства, которое могло бы служить гонимым за веру или мнения лучшим убежищем, чем Голландия. Здесь португальские евреи нашли себе не просто убежище, а новую родину»¹. Вероятнее всего, однако, предположить, что — наряду с безусловными плюсами — еврейская община в Амстердаме сталкивалась, во всяком случае поначалу, и с немалыми трудностями и ограничениями².

Так или иначе, Барух Спиноза получил замечательное воспитание, изначально подводившее его к будущей торговой карьере в продолжение семейной традиции (так, наряду с обязательной теологией он изучает и торговое дело, собственно дело своего отца, Михаэля де Эспинозы). С ранних лет он принимает участие в работе отцовского предприятия и первое время после отцовской смерти продолжает вести дела семьи вместе с мужем своей сестры. Это, впрочем, не важно, потому что подлинные интересы и настоящие увлечения очень скоро уведут его с этого сомнительного, патриархально-автоматического пути.

Уже с ранних лет Спиноза демонстрирует живой ум и поразительную обучаемость. За что бы он ни взялся, всё дается ему с одинаковой легкостью: еврейское богословие

¹ Фишер К. Бенедикт Спиноза. С. 29.

² Об этом можно прочитать у Нэдлера: Nadler S. Spinoza. A Life. P. 10 — и далее.

вие, современное естествознание, иностранные языки¹. С последними связана, по всей вероятности, и ранняя эволюция будущего философа до статуса вольнодумца. Латинский язык Спиноза изучал под руководством локально известного в те времена врача Франциска (или просто Франца) ван ден Энде, человека передовых и свободных — тогда бы сказали, атеистических — взглядов. Подчас отмечается, что этот учитель «повинен» в «обращении» многих доверенных ему молодых людей, и — так это было или иначе — позже ему пришлось поплатиться за свое прогрессивное свободолюбие (он был казнен во Франции по темному делу о заговоре против властей). Судьба самого знаменитого его ученика была не столь мрачной, однако и она оказалась отмеченной печатью изгнаничества и общественного позора.

Когда к влиянию ван ден Энде добавилось раннее увлечение Декартом (возможно, и это не без участия амстердамского врача-вольнодумца), у Спинозы уже не могло оставаться сомнения в том, что путь его пролегает совсем в стороне от стен как торгового предприятия, так и родной синагоги. Правоверных обитателей последней это не могло не насторожить: мало того что

¹ Куно Фишер замечает следующее: «Он легко усваивал языки и обладал значительными практическими и теоретическими знаниями в области романских и германских наречий; кроме знания португальского и испанского языков, он говорил еще по-французски и по-итальянски, кроме голландского языка он знал и немецкий; к этому присоединялось превосходное знание еврейского языка, для которого он позднее сам хотел составить грамматику на новых началах, и, наконец, латинского». — Фишер К. Бенедикт Спиноза. С. 45.